

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
имени Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

ТОМ 14

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
НА СЕВЕРНЫХ СКЛОНАХ
КАРАТАУ

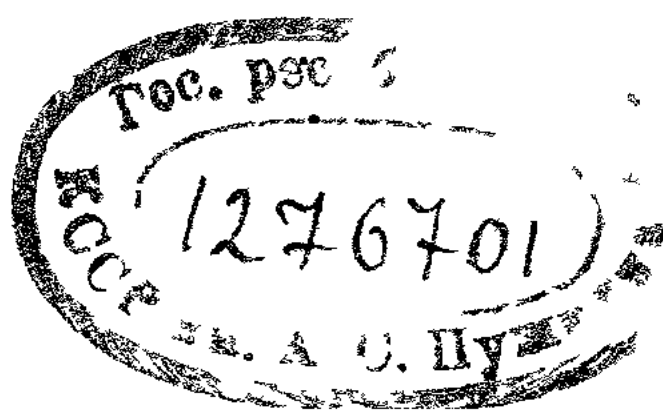

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
АЛМА АТА — 1962

Сборник состоит из статей, посвященных изучению археологических памятников, расположенных на северных склонах Каратау. В них охвачены почти все разделы археологии: палеолит, неолит, эпоха бронзы, описываются и поселения, существовавшие с III в. до н.э. по XV в. н.э. рассматриваются некоторые вопросы истории и особенности материальной культуры этого района.

Книга рассчитана на широкий круг научных работников, аспирантов, студентов и всех интересующихся древней историей Казахстана.

Ответственный редактор Е. И. АГЕЕВА

Т Р У Д Ы

ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

1962

АКАДЕМИИ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

Том 14

ОТ АВТОРОВ

В этом томе трудов публикуются материалы, собранные Южно-Казахстанской археологической экспедицией в 1953—1954, 1957—1958, 1959 гг. и Каратауским отрядом, изучавшими археологические памятники в районах, примыкающих к северным склонам гор Каратау¹. В статьях тома описываются памятники различных эпох: камня, бронзы, ранних кочевников.

Этот район на юге и востоке ограничен отрогами Каратау, со склонов которого стекает множество небольших горных рек, затем теряющихся в песках, на севере и северо-востоке он смыкается с обширной степной зоной Муонкумов и Бетпак-Далы, его предгорные районы и горные долины являются легкодоступными естественными летними пастбищами, а прилегающие степные пространства — весенними и осенне-зимними. Небольшие горные долины с обильными плодородными лёссовыми отложениями позволили развить здесь богарное и орошаемое земледелие. Естественные выходы кремня, залежи полезных ископаемых, сравнительно богатая флора и фауна, теплый климат привлекали внимание человека к этим районам еще с глубокой древности, с эпохи палеолита.

Изучение археологических памятников, расположенных вдоль северных склонов Каратау, по существу, началось только в советское время. До революции были напечатаны лишь небольшие информации о городищах Баба-ата, Чулаккурган² и памятнике его крайнего восточного угла — могильнике Берккара³.

Изучение этого района было начато в 1938—1939 гг. Семиреченской археологической экспедицией, руководимой А. Н. Бернштамом. В связи с решением вопроса об исторической топографии Таласской долины стали вести раскопки Берккаринского могильника и вскрыли в нем 50 курганов. Одновременно в районе этого же могильника были зарегистрированы и другие памятники⁴. На этом исследование экспедиции закончилось.

Первичное обследование (снятие плана, описание, сбор подъемного материала) таких оседлых поселений, как Тарсатобе, Баба-ата, Чулаккурган, Сузак, Кумкент, Саудакент, Ак-сумбе, Кюльтобе, Актобе, и других было проведено в 1946 г. Центрально-Казахстанской археологической экспедицией, руководимой академиком А. Х. Маргуланом. Одновременно с этим производились стратиграфические раскопки на городище Саудакент, вскрывшие лишь слои XIV—XV вв. н. э.⁵

Вслед за этим новые дополнительные данные были получены в ре-

зультате работ Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1947—1948 гг., руководимой А. Н. Бернштамом, которая в 1947 г., кроме составления археологической карты района, провела стратиграфические раскопки на городище Тамды, позволившие отнести его возникновение на месте древнего стойбища к VI—VIII вв. н. э. В раскопе было обнаружено 7 культурных слоев мощностью около 3 м, относящихся к VI—XII вв. н. э., и материал, более близкий к Таласскому оазису, чем к оазисам южных склонов Каратау⁶. В этот же сезон было вскрыто 7 курганов, датируемых III—I вв. до н. э., в могильнике Тамды около одноименного городища⁷.

В следующем, 1948 г. стратиграфические раскопки проводились еще на двух оседлых поселениях: Актобе-Алтынтау и Тарсатобе, расположенных в районе пос. Сузак. Первое из них дало материал последних веков до нашей эры — первых веков нашей эры, а второе — между первыми веками до нашей эры и VIII—IX вв. нашей эры, что позволило установить одновременность их появления⁸.

Эти работы показали, что большинство памятников района содержит материалы, более близкие к памятникам Таласской и Чу-Илийской долин, чем к Отрарско-Чачскому оазису.

Начатая работа продолжалась и в последующие годы (1953—1954, 1957—1958, 1959 гг.). В первые два года исследовались в основном городище Баба-ата и окружающие его могильники. Одновременно велась и дальнейшая микроразведка района.

С 1957 г. начал свою работу Каратауский палеолитический отряд, возглавляемый Х. А. Алпысбаевым, занимающийся изучением каменного века на территории Южного Казахстана, в том числе и на северных склонах хребта.

Первые находки орудий каменного века в этом районе были сделаны в 1956 г. геологами Н. В. Седовым и Г. А. Ярмахом в 28—35 км к северо-востоку от Чулактау. Они собрали около 30 палеолитических и неолитических изделий (скребки, призматические нуклеусы и другие орудия)⁹.

За три года работы (1957—1959 гг.) Каратауский палеолитический отряд обследовал террасы рек Шабакты, Беркутты, Ушбас, Бесарык, Караунгур и других, осмотрел некоторые карстовые пещеры, гроты, скальные навесы, заложил шурфы и ознакомился с шурфами Малокарататауской геологической партии. В результате было выявлено более 26 местонахождений орудий каменного века всех основных эпох: мустье, верхний палеолит, неолит, мезолит¹⁰.

В 1957—1959 гг. дополнительную разведку проводил отряд А. Г. Максимовой. В эти же годы были раскопаны могильники Тау-тары (полностью), Кенсай, Капчагай, Джеты-шоко, Кыр-Чебакты, Берккара в урочище Кзыл-Кирха, в районе городища Баба-ата (№ 1, 2), давшие материалы III в. до н. э. — III в. н. э., и могильник около самого городища (IX—XIV вв. н. э.), а также поселение Актобе. Одновременно были обследованы наскальные изображения и произведено 15 раскопов различной площади на городище Баба-ата (раскоп 1 — на цитадели, раскопы 2, 3, 7, 14, 15 — на шахристане, последний стратиграфический, раскопы 4—6, 8, 9, 11—13 — на рабадах¹¹).

В известных исторических источниках, за исключением источников послемонгольского периода, сведений об изучаемом районе почти нет, кое-где встречаются лишь упоминания о городах. Так, Низм-ад-дин Шами и Шереф-ад-дин Йезди пишут о башне Ак-сумбе в связи с борьбой Тимура с Тохтамышем¹²; Хондемир при описании борьбы Мухаммед хана Шейбани с владетелем Сузака Махмуд-султаном говорит о Су-

заке¹³, о городищах Сузак и Кумкент имеются сведения в описании пути царя Малой Армении Гайтона¹⁴.

Отсутствие сведений в письменных источниках об этом районе объясняется, очевидно, тем, что он располагался вдали от магистральных торговых дорог.

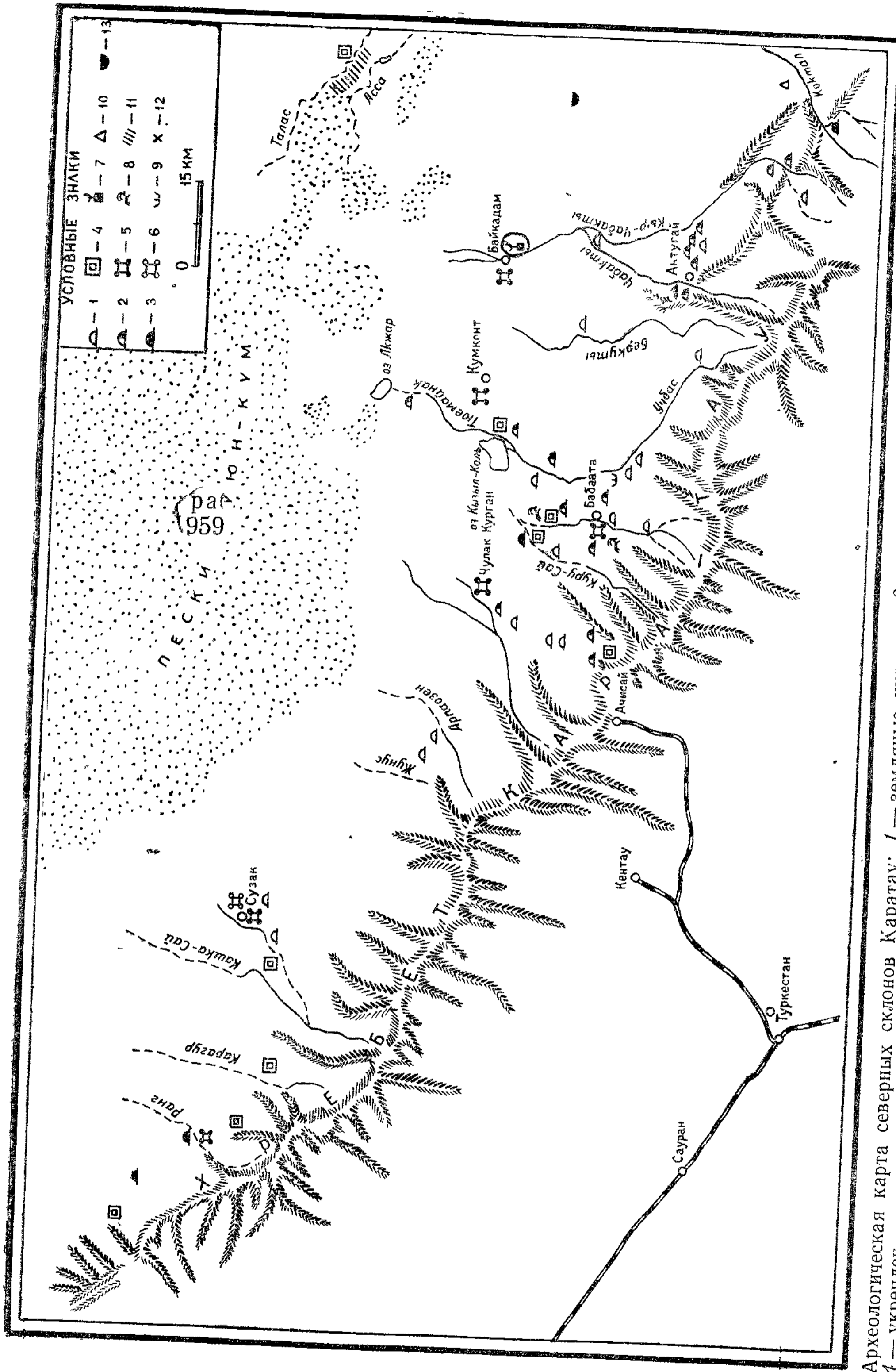
Но близость материала к памятникам Таласской долины и некоторые сведения письменных источников о территории тех или иных политических объединений позволяют предположить, что этот район вначале входил в состав одного из племенных союзов саков¹⁵, затем усуней, а в VI в. стал одной из составных частей Западнотюркского каганата, затем Тюркешского и Каракульского, а впоследствии был уделом Караханидского государства.

Из сказанного видно, что археологическое изучение северных склонов Каратау только начинается. Вследствие немногочисленности научного состава экспедиции (3 человека) не удалось вести работы в более широких масштабах и разрешить ряд вопросов, связанных с социально-экономическими проблемами. Поэтому общие выводы строились, во-первых, на основе изучения восточных источников и, во-вторых, на общеисторических аналогиях с сопредельными областями Средней Азии. В этом отношении огромное значение имели исследования крупнейших советских экспедиций, как Хорезмская, Согдийско-гаджикская, Южно-Туркменская, многочисленные материалы которых позволили не только исторически правильно обосновать, но одновременно показать локальные особенности материала.

Отсутствие письменных источников, небольшой объем археологических исследований, сведенных в ряде случаев только к поискам и первичным знакомствам с памятниками (например, по периоду неолита, бронзы), привели к незначительности общеисторических выводов, которые, естественно, нельзя делать только на основе изучения одного памятника. Авторы делают попытку научного осмысления полученного материала.

Результаты работ следующие: впервые на территории Казахстана были обнаружены памятники нижнего палеолита, позволившие отнести эту территорию к одному из центров расселения палеолитического человека; открыты позднепалеолитические памятники, связанные с палеолитическими остатками и геологическими отложениями антропогена; собран материал по мезолиту и неолиту. Все это говорит о заселении человеком территории хребта Каратау в период каменного века. Эти работы пока еще далеки от завершения и требуют продолжительных и комплексных исследований. В настоящем сборнике публикуются итоги изучения только первых обследованных местонахождений и делаются некоторые выводы.

Специально проведенная разведка горных и долинных районов не выявила пока новых, типичных для остальной территории Казахстана памятников эпохи бронзы так называемой андроновской культуры, кроме зафиксированного в урочище Тау-тары могильника. Возможно, что захоронения этого времени имели другие наземные признаки (насыпи) или были грунтовыми. Вместе с тем находки на северных и южных склонах Каратау отдельных предметов, типичных для этой культуры, говорят о том, что на территории Южного Казахстана памятники этого типа также распространены. Такие находки были сделаны между поселками Ленинское и Шарапхана (глиняные сосуды), около колхоза «Победа» (плоский черешковый наконечник копья), в русле р. Качкар-ата (шило, кольцо, черешковый двухлопастной наконечник стрелы).

Археологическая карта северных склонов Карауата: 1 — земляные курганы; 2 — курганы из земли и камня; 3 — каменные курганы; 4 — укрепления; 5 — средневековые городища; 6 — ранние городища; 7 — городища; 8 — городища; 9 — погребения э и бронзы; 10 — случайные находки; 11 — находки; 12 — находки; 13 — находки.

Число курганных могильников, расположенных в предгорьях, невелико. Значительная их часть, несмотря на некоторое разнообразие конструкций и одновременность, относится к III в. до н. э. — III в. н. э. и совпадает с периодом сложения оседлых поселений. В материалах из некоторых могильников, как, например, Кыр-Чебакты, Кенсай, имеются прямые аналогии с инвентарем, добытым при раскопках на поселении Актобе. Безусловно, это поселение создано местным населением. На первых этапах жизни поселений значительную (возможно, даже и ведущую) роль в хозяйстве занимало скотоводство. Расположение поселений, а также малая площадь занятой ими территории говорят о слабо развитом земледелии, примитивности форм орошения; участки, занятые под посевы, еще невелики так же, как невелико и количество этих поселений. Позднее (примерно в VI в. н. э.) они возникают в таких районах, где больше площади для занятия земледелием и удобнее организовать полив. Так, например, поселение Баба-ата, Кумкент, Тарсатобе располагаются уже в довольно широких долинах со значительным запасом воды и большими площадями для посевов. В дальнейшем из них вырастают города раннефеодалного типа.

В районах северного склона Каратау происходил тот же процесс развития. Возникновение оседлых поселений более или менее долговременных стойбищ зафиксировано также на большой территории Южного Казахстана. Уже сейчас известно несколько поселений этого типа: стойбища у Ногайкура¹⁶, около колхоза Урнек, у городища Оххум, близ МТФ колхоза им. Кирова. Последние три расположены в соседней Таласской долине. Более или менее долговременные поселения с постройками из сырцового кирпича, содержащие материалы III в. до н. э. — III в. н. э., отмечены у пос. Тасты, у с. Шаповаловки¹⁷, около ст. Луговая¹⁸. Синхронный материал получен из стратиграфических раскопок на городище Тарсатобе, поселении Актобе Алтын-тау¹⁹, а также собран в подъемном материале с ряда городищ, возникших, очевидно, на базе этих ранних поселений. Особый интерес представляет городище Тик-Турмас (низовья Таласа), содержащее значительные материалы этого времени; возможно, что наибольший расцвет его жизни падает на этот период²⁰.

Таким образом, первое из раскопанных в Южном Казахстане поселение Актобе дало наиболее достоверный материал, позволивший судить о времени возникновения подобного типа поселений, характере их планировки, формах хозяйства. Сравнительно небольшой баланс воды, несомой реками, не позволял, однако, развивать земледелие на больших площадях, и поэтому сами оседлые поселения размещались здесь иначе, чем в соседних Таласском и Отрарском оазисах. Район, примыкающий к северным склонам Каратау, можно считать территорией распространения мелкооазисного поливного и богарного (в меньшей степени) земледелия в сочетании с отгонно-пастбищным скотоводством в горах и прилегающих степях. Островки оседлых поселений расположены здесь на значительном расстоянии друг от друга (40—100 км), в наиболее удобных для земледелия местах, и включают в себя несколько различных по времени и топографии объектов. В описываемом районе таких оазисов пять: городища Тамды, Саудакент, Кумкент, Баба-ата и Сузак. К каждому из них, уже сложившемуся к средневековью крупному поселению, тяготеют поселения более ранних эпох и курганные могильники. Однако имеются и некоторые различия в процессе их формирования. Такие городища, как Саудакент, Баба-ата, в процессе развития включили в себя близлежащие поселения более ранних эпох, и поэтому жизнь в этом оазисе переключилась полностью на территорию по-

селения. В подъемном материале и в раскопах на них материал более VI в. н. э. не содержится. Напротив, в подъемном материале городищ Кумкент и Тамды обнаружены образцы более ранней керамики, что свидетельствует о более продолжительной жизни на одной и той же территории. В отличие от городища Тамды, единственного в районе не имеющего около себя спутников более раннего времени, городище Кумкент насчитывает в окрестностях остатки четырех поселений раннего периода, расположенных на тех же водных источниках. Более удобное его расположение привело, очевидно, к тому, что не только ранние земледельческие поселения впоследствии объединились в одно, но и Кумкент.

В оазисе Сузак мы наблюдаем иное — городище возникло на этом месте в результате того, что на раннем поселении Тарсатобе жизнь к этому времени уже замерла.

Поселения VI—IX вв. н. э. представляют собой небольшие усадебные усадьбы типа тобе с площадкой. Обычно территория, занятая ими, невелика, около них сохранились остатки оросительной системы, подводившей воду как на само поселение, так и на окружающие поля и посева.

Всего в этом районе зафиксировано шесть поселений, относящихся по характеру остатков к поселениям городского типа. На четырех из них (Баба-ата, Кумкент, Саудакент, Тамды) обнаружены остатки стен, на двух (Сузак, Чулаккурбан) их нет и, судя по подъемному материалу, последние возникли гораздо позднее. Остатки стен сохранились у четырех городищ (Баба-ата, Саудакент, Тамды, Кумкент), рвов — у трех (Баба-ата, Саудакент, Тамды), следы рвов — также у трех (Баба-ата, Кумкент, Чулаккурбан). Все они, кроме Тамды, содержат значительное количество материала послемонгольского времени. Если учесть, что вокруг этих поселений располагались кочевые и скотоводческие племена, то совершенно очевидной будет их роль как первых очагов земледелия. Кочевники-скотоводы таким образом могли более широко обменивать свои продукты на продукты земледелия и в свою очередь стимулировать развитие земледелия.

Дальнейшая дифференциация хозяйственной деятельности земледельцами и скотоводами, а также более быстрый рост классификации у последних и их количественное превосходство привели к зависимости населения поселений от верхушки богатых скотоводов. Это в свою очередь тесно связано с крайне слабым развитием производительных сил в земледелии.

Безусловно, что оседлые поселения расширялись не только благодаря естественному приросту, но и оседанию части кочевников, переходящих к земледелию. В таких населенных пунктах постепенно сосредоточивались и ремесленники, приобщаясь таким образом в какой-то мере к земледелию.

Многослойность городищ, плохое состояние развалин, оплывшие и превратившиеся в бесформенные возвышенности, показали, что целесообразно организовать раскопки лишь на городище Баба-ата. Поиски позволили проследить процесс развития оседлого поселения из укрепленной усадьбы с VI—VII вв. н. э. и превращения его в ранний дальний город. Одновременно с этим были выявлены особенности хозяйственной деятельности населения. Полученный материал свидетельствовал о последовательном, постепенном развитии одной из форм материального производства. Это более всего заметно на керамике, а также в основных строительных приемах, которые впервые появились

памятнике Актобе и получили дальнейшее развитие на городище Баба-ата.

Незначительность или даже полное отсутствие ремесленных мастерских в таком городище, как Баба-ата, говорит о слабом развитии ремесла. Ремесленники обслуживали, вероятно, только небольшую верхушку общества (феодала-работодателя), и домашние промыслы по-прежнему играли большую роль.

Таким образом жителей этого района нельзя считать прямыми потомками только скотоводов. Они — продукт периода отделения оседлого земледелия от скотоводства. Насельники были связаны тесными кровнородственными связями с окружающими скотоводческими племенами. Затем они попали в прямую экономическую и политическую зависимость от последних и вошли как одна из составных частей в политическое объединение кочевников.

Поэтому не случайно, что в средневековые арабо- и персоязычные источники писали отдельно о городах, принадлежавших тому или иному политическому объединению, и местах зимовок и кочевок. Наиболее характерно в этом отношении высказывание Сюань Цзяня о подчинении городов Семиречья тюркам, а также использование Махмудом Кашгарским на его карте двух различных терминов «города гузов» и «жилища гузов и кыпчаков»²¹.

В связи с этим интересен вопрос об этнической принадлежности первых насельников поселений и их захоронений в курганных могильниках. Но, к сожалению, из-за незначительности антропологического материала на эти вопросы пока еще нельзя ответить, помочь может лишь собранный археологический материал. Форма поджуртанных сооружений, набор стабильного погребального инвентаря, близость его к синхронным памятникам Семиречья и резкое отличие от материалов с южных склонов Каратау позволили А. Г. Максимовой прийти к выводу, что северные склоны Каратау скорее являются западными границами расселения усуней, чем кангюй, как предполагал А. Н. Бернштам²². Но для дальнейшего всестороннего решения этого вопроса нужны дополнительные исследования как самих могильников, так и поселений на более обширной территории.

В китайских источниках и усунь, и кангюй фигурируют как кочевники, выше же мы говорили об их оседлости. Но это не должно вызывать недоумений, поскольку сам процесс становления оседлых поселений по времени совпадает со сведениями китайских источников. Поселения еще не играли столь существенной роли в экономике племен, чтобы о них писали в китайских источниках.

Незначительное количество оседлых поселений в этом районе, отсутствие сколько-нибудь развитой системы ирригационных сооружений свидетельствуют о том, что скотоводство здесь продолжало играть большую роль. Оседлые поселения, жители которых были связаны со скотоводами, являлись лишь резиденциями феодалов, пунктами, где происходила в основном меновая торговля, что подтверждается отсутствием нумизматического материала, а также местами обороны оазиса в период феодальной раздробленности.

Большинство городищ продолжало жить и в послемонгольский период, окончательное их запустение произошло во время борьбы казахских ханов

Вместе с тем надо отметить, что темпы развития общества на северных склонах Каратау были такими же, как и в сопредельных районах. Так, возникновение укрепленных усадеб в Таласской долине, От-

рарско-Чачском оазисе, а также в соседних районах Средней Азии относится к VI—VII вв. н. э., а раннефеодальных городов — к VIII—IX вв. н. э. В такие же хронологические рамки укладывается и материал, полученный нашей экспедицией на городище Баба-ата.

Таким образом, проведенные экспедицией и Каратауским палеолитическим отрядом работы, кроме публикации новых археологических материалов, одновременно разрешают и некоторые вопросы древней истории Казахстана, более глубокое решение которых требует дальнейшего проведения исследований.

* * *

Рисунки к тому выполнены художником П. В. Агаповым и чертежником Г. Б. Демченко.

1. В работе экспедиции в разные годы принимали участие: научные сотрудники: Е. И. Агеева (1953, 1954, 1957, 1958, 1959 гг.), Г. А. Кушаев (1953, 1954 гг.), А. Г. Максимова (1957, 1958 гг.), М. С. Мерциев (1959 г.), Г. И. Пацевич (1953, 1954 гг.), Н. П. Подушкин (1953, 1957, 1958 гг.), Л. И. Ремпель (1953 г.), Т. Н. Сенигова (1957, 1958, 1959 гг.), художники П. В. Агапов (1953, 1954, 1958, 1959 гг.), И. Мусаев (1957, 1958 гг.), П. И. Газ (1959 г.), В. П. Карпенко (1957, 1958 гг.), геолог И. Кадырова (1958, 1959 гг.); лаборанты: Л. В. Антонова (1957 г.), А. А. Чариков (1957—1959 гг.); фотографы: В. А. Агафонцев (1959 г.), А. П. Борсук (1958, 1959 гг.), А. Кочетов (1958 г.), А. Е. Сиротин (1954 г.), В. Кусяпкулов (1958 г.), в качестве рабочих студенты КазГУ, Чимкентского пединститута, Джамбулского зооветтехникума, учащиеся средних школ г. Алма-Аты, Джамбула и Чимкента.

2. В. П. Колосовский. В Каратавских горах Чимкентского уезда (археологическая заметка). — ПТКЛА, 1901, Год 61-й, стр. 89—97.

3. В. Ф. Ошанин. Могильник около оз. Бийли-куль. — ПТКЛА, 1897. Год 2-й, стр. 8.

4. А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941, стр. 14.

5. А. Х. Маргулан. Оседлые поселения VIII—XIII вв. на северных склонах Каратау (извлечение из археологического отчета). — ИАН КазССР, 1948, серия археологическая, вып. 1, стр. 109—115.

6. А. Н. Бернштам. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. — ИАН КазССР, 1949, серия археологическая, вып. 2, стр. 73.

7. Л. Я. Маловицкая. Тамдинский курганный могильник III—I вв. до н. э. — ИАН КазССР, 1949, серия археологическая, вып. 2, стр. 119—121.

8. А. Н. Бернштам. Древний Отрар. — ИАН КазССР, серия археологическая, 1951, вып. 3, стр. 81—97; Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. — ТИИАЭ АН КазССР, 1958, Археология, т. 5, стр. 20—24.

9. Г. А. Ярмак. Первые находки палеолитических орудий в Южном Казахстане. — ВАН КазССР, 1957, № 7, стр. 104—108.

10. Х. А. Алпысбаев. Находки нижнего палеолита в Южном Казахстане. — ТИИАЭ АН КазССР, 1959, Археология, т. 7, стр. 232—241; его же: Нижнепалеолитические местонахождения в Малом Каратау. — ВАН КазССР, 1959, № 2, стр. 64—70.

11. Некоторые итоги этих работ освещены в печати. См.: Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г. — ТИИАЭ АН КазССР, 1956, Археология, т. 1, стр. 33—60; Е. И. Агеева. Раскопки на городище Баба-ата (1953—1954 гг.) — ИАН КазССР, 1954, серия истории, экономики, философии и права, № 1, стр. 75—82; Е. И. Агеева. Из истории развития городской культуры Казахстана (по материалам раскопок на городище Баба-ата). — ИАН КазССР, 1960, серия истории, археологии и этнографии, вып. 2/13, стр. 63—78; Г. А. Кушаев. Раннекочевнические курганы в районе городища Баба-ата, — ТИИАЭ АН КазССР, 1959, Археология, т. 7, стр. 242—247.

Руководителями раскопок в разные годы были сотрудники: раскоп 1 — Г. И. Пацевич (1953, 1954 гг.); Е. И. Агеева (1957, 1958, 1959 гг.); раскопы 2, 8, 11, 13 — Е. И. Агеева, Н. П. Подушкин; раскопы 5, 6, 15 — Е. И. Агеева; раскоп 3 — Е. И. Агеева (1954 г.), А. А. Чариков (1957, 1958 гг.); раскоп 14 — А. А. Чариков; раскопы 7, 9 — Т. Н. Сенигова; раскопками на Актобе руководила Т. Н. Сенигова, в 1959 г. принимал участие М. С. Мерциев; могильник 1, 2 и в урочище Кызыл-Кирха, а также раскоп 4 на городище Баба-ата — Г. А. Кушаев; могильник в урочище Тау-тары — Е. И. Агеева, Н. П. Подушкин (1954 г.), А. Г. Максимова — (1957—1958 гг.); могиль-

- ники в урочище Кенсай, Кыр-Чебакты, Капчагай, Джеты-шоко, Берккара — А. Г. Максимова; могильник около поселения Актобе — А. Г. Максимова, М. С. Мершиев; наскальные изображения около Актобе — Т. Н. Сенигова.
12. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. т. 2. М. — Л., 1941. стр. 112, 158.
13. В. В. Вельяминов-Зернов. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Средней Азией. СПб, 1866, стр. 236—251.
14. К. П. Патканов. История монголов по армянским источникам. СПб, 1874, стр. 83.
15. По определению И. И. Копылова — каратов. — См.: «История Казахской ССР» 1957, т. 2, изд. 3-е, стр. 30.
16. А. Н. Бернштам. Проблемы древней истории и этногенеза..., стр. 79.
17. А. Н. Бернштам. Памятники старины..., стр. 14.
18. Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, стр. 296.
19. Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений., стр. 20—24.
20. Л. И. Ремпель. Археологические памятники в дальних низовьях Таласа.— ТИИАЭ АН КазССР, 1956, Археология, т. 1, стр. 76.
21. В. В. Бартольд. Очерки истории Семиречья. Фрунзе 1943, стр. 17; С. К. Ибрагимов, В. С. Храковский. Махмуд Кашгарский о расселении племен на территории Казахстана в X веке. — ВАН КазССР, 1958, № 11, стр. 95.
22. А. Н. Бернштам. Памятники старины..., стр. 11—14:
-

ГЛАВА I

ПАМЯТНИКИ ПЕРВОБЫТНООБЩИННОГО СТРОЯ

§ 1. Находки памятников каменного века в хребте Каратау

До последнего времени достоверных сведений хотя бы об одном палеолитическом местонахождении в Каратау (Южный Казахстан) не было. В сентябре 1957 г. Институт истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР организовал специальный Каратауский отряд по изучению памятников каменного века в районе хребта Малого и Большого Каратау, т. е. на территории Джамбулской и Южно-Казахстанской областей. Отрядом руководил автор настоящей статьи.

Предварительные рекогносцировочные исследования дали очень интересный материал, существенно расширивший имевшиеся сведения о каменном веке Южного Казахстана, благодаря чему стало возможным воссоздать одну из страниц древнейшей истории этого района.

Впервые в Казахстане были обнаружены памятники нижнего палеолита, позволяющие рассматривать эту территорию как один из центров расселения древнейшего палеолитического человека¹. Тогда же были открыты и позднепалеолитические памятники, непосредственно связанные с четвертичными отложениями². Эти работы продолжались и в последующие годы совместно с геологами Малокаратауской комплексной геологической экспедиции.

Характерной особенностью экспедиции была комплексность исследований при разведке и изучении палеолитических местонахождений, залегающих в непо потревоженном состоянии на поверхности холмов в древних речных антропогенных отложениях хребта Каратау. Таким образом, остатки палеолита в Южном Казахстане так же, как и палеозоологические и палеогеографические данные об этом районе, являются ценным источником для комплексного изучения этих памятников в определенных геологических условиях.

Большинство археологов, ранее работавших в Южном Казахстане, специально этот период не изучали. О нем почти нет и литературных сведений. Имеются лишь отдельные разрозненные находки кремневых изделий. К ним относятся коллекции Г. И. Раскатова (1953), Н. В. Седова и Г. А. Ярмака (1956)³. В них мало законченных орудий, поэтому они не поддаются точному датированию.

Свою работу Каратауский отряд начал с рекогносцировочной разведки хребта Малого (Восточного) и Большого Каратау (западных отрогов северо-восточной и центральной частей юго-западной ветви хребта).

Оба они замечательны хорошо выраженными древнечетвертичными

отложениями с обилием коренных выходов черных кремней, кремнистых песчаников, сланца нижнего карбона, красного и розового халцедона, расположенными в отложениях нижнего турне, служивших человеку сырьевым материалом для изготовления каменных орудий в период палеолита — неолита. Кроме того, район богат пещерами и навесами, встречающимися в отвесных обрывах по берегам рек и на склонах долин и образованными в известняках и доломитах протерозоя, кембрия, девона и карбона. Обнаруженное большое количество шельско-ашельских и верхнепалеолитических местонахождений типа Танирказгана, Борыказгана, Токалы, Ушбулака, Узынбулака (Малый Каратау), Шабакты (Большой Каратау) и других палеолитических памятников открытого характера убеждают нас в том, что в будущем возможно обнаружение такой же стоянки в первоначальном залегании и в пещерах.

Начав предварительную полевую работу в районе горных рек Коктала, Жунусата, Бесарыка, Чайна и Арыстанды и продолжая ее в последующие годы в северо-восточной, центральной и юго-западной частях хребта, отряд обследовал древние речные террасы рек Шабакты, Беркутты и Ушбас и прилегающих к ним участков с обильными выходами кремня. Здесь нам встречались памятники материальной культуры первобытного человека — многослойные палеолитические и неолитические стоянки. С них были собраны многочисленные кремневые, халцедоновые и хрустальные орудия, характерные для времени от поздней поры нижнего антропогена до голоцена, т. е. всех периодов каменного века. В этом районе палеолитические местонахождения открытого типа сосредоточивались не только на древних речных террасах, но и на других возвышенностях, склонах холмов и плоскогорьях — кокжонах. В некоторых из них обнаружены бесспорные следы деятельности древнейшего человека.

Помимо названных пунктов, были исследованы труднодоступные горные участки хребта Каратау, при этом в своей полевой работе отряд учитывал геологическую структуру района.

Кремневые изделия хребта Каратау в большинстве залегают в условиях, отличных от подобных нижнепалеолитических местонахождений Средней Азии, Кавказа и Украины. Здесь исключены какие-либо перемещения.

В данной статье описываются только те местонахождения, которые содержат особо характерные экземпляры.

При определении и классификации подъемных материалов мы учитывали все признаки, свойственные орудиям и отщепам того или иного этапа.

* * *

Хребет Каратау — крупный северо-западный отрог Тянь-Шаня — начинается от перевала Чакпак-Куюкасу (50—60 км к ЮЗЗ от г. Джамбула) и тянется по азимуту 30° в северо-западном направлении более 40 км до гор Даутходжа (Кзыл-Ординская область). Природа и физико-географические условия Каратау описаны в многочисленных геологических отчетах и статьях специалистов, работавших в этом районе: В. Н. Вебера⁴, Д. Н. Наливкина⁵, Е. П. Коровина⁶, М. В. Культиасова⁷, Н. П. Павлова⁸, В. В. Галицкого⁹, И. И. Машкара¹⁰, В. Ф. Зеспалова¹¹.

В течение мезозоя и третичного периода большая часть хребта Каратау подвергалась трансгрессии верхнемелового моря. Севернее до-

лины р. Боролдая оно покрывало всю южную, центральную и северную части хребта. В меловой, третичный период на том месте, где теперь простирается хребет, также плескалось мелкое море, к востоку от которого располагалась обширная низменность, и лишь отдельные большие участки хребта возвышались над водой. По геологическим данным В. Н. Разумова, А. Черняковского и других, в среднем олигоцене, связи с общим поднятием страны, море ушло и здесь установился континентальный режим.

Для восточного склона Северного Каратау характерен долинный увалистый рельеф — расчлененная предгорная равнина, сложенная древнечетвертичных и более древних отложений и покрытая густой сетью временных русел¹².

Антропогеновые отложения западных отрогов северо-восточной центральной частей юго-западной ветви хребта Каратау, по сведениям М. С. Волковой¹³, представлены: а) пролювиальными галечниками конгломератами и другими горными обломочными материалами б) аллювиальными отложениями речных долин; в) делювиями со суглинками и г) лёссовидными отложениями.

Речки предгорной полосы этой части хребта имеют две террасы: первая, молодая образована отложениями галечника и гравия, а вторая сложена на 20—25 м серовато-желтыми, светлыми неоднородными суглинистыми породами и прослойками гравия и мелкой гальки¹⁴.

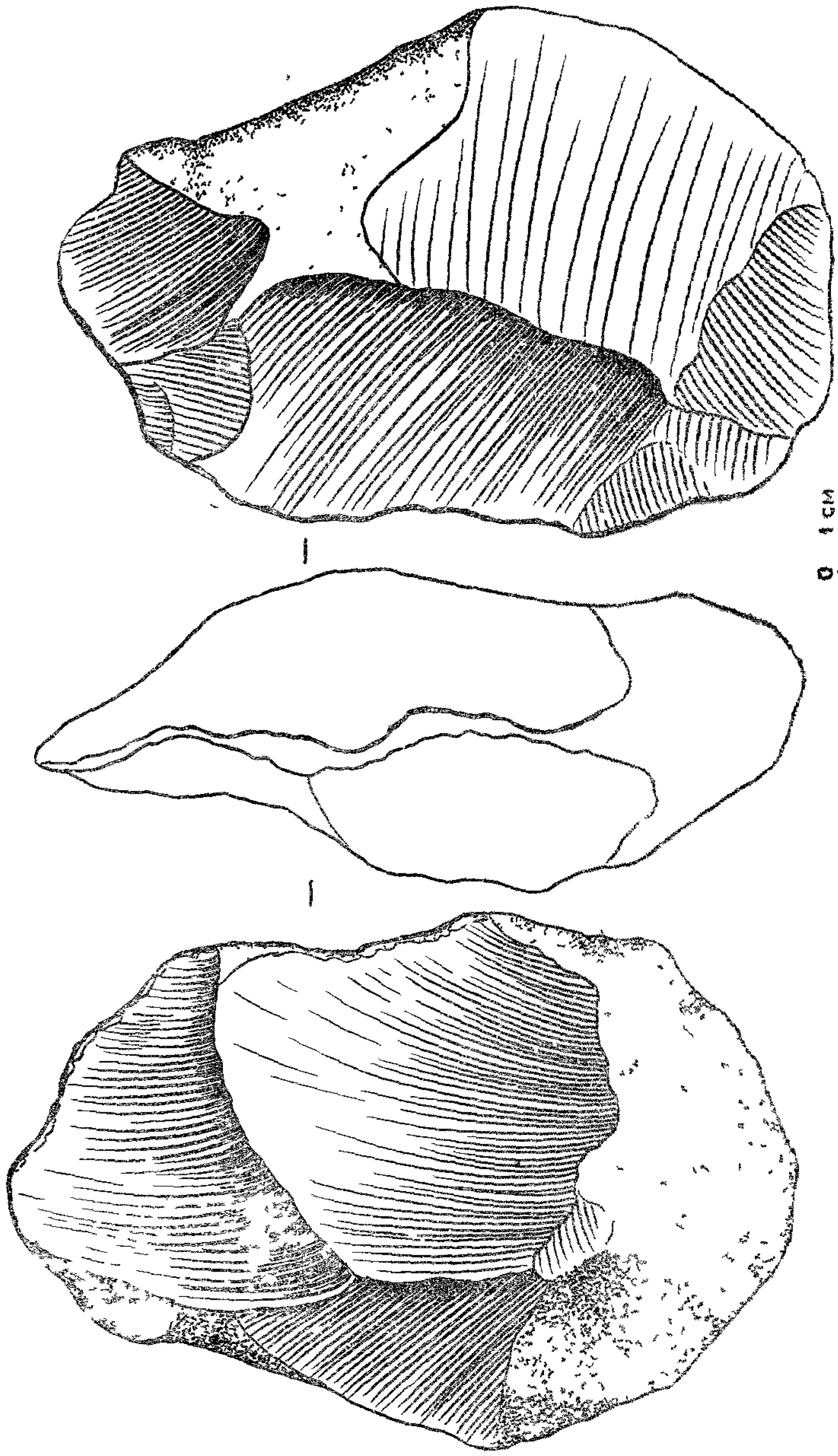
Долины в этой части Каратау начинаются узкими, глубокими и образными оврагами и располагаются не перпендикулярно к оси хребта, как в центральной юго-западной ветви Каратау, а радиусами. Например, долины рек Ушбас, Беркутты, Шабакты прикрыты мощной толщей рыхлых, щебенистых лёссовидных суглинков; здесь нами зафиксированы палеолитические местонахождения в непо потревоженном состоянии.

Современный климат хребта сейчас можно отнести к климату полосы пустынь. Ранее же, в верхнетретичный период миоцен—плиоцен, по данным геоботаника Е. П. Коровина, здесь был умеренно холодный влажный климат. В одной из работ он писал: «Еще в раннюю эпоху третичного времени на территории Средней Азии и Казахстана существовали две климатические провинции — южная и северная, которые сходились по линии гор Каратау. Этот хребет, возвышавшийся высоким барьером, служил ранее местом перелома климатов этих провинций»¹⁵ что объясняет древность многих флористических сведений, в том числе каратауского тау-сагыза¹⁶.

Эти сведения говорят о том, что в древнейшее время климат района Каратау был пригоден для развития пышной влаголюбивой флоры и богатой разнообразной фауны, чему способствовала, по-видимому, отдаленность хребта от ледниковых районов. Это благоприятствовало заселению данной территории нижнепалеолитическим человеком в позднюю пору нижнего четвертичного периода. В этой связи большой интерес представляет местонахождение Шабакты (в 20 км к юго-западу от пос. Байкадам), в котором были найдены в непо потревоженном состоянии самые древние по возрасту орудия палеолита на поверхности удлиненного останца (близ тригонометрического пункта 420 м), сложенного из палеогеновых толщ красных глин и тонких слоев лёссовидного суглинка.

Приведем описание некоторых из них.

Первое орудие (рис. 1), крупное, массивное рубило (180×120×80×50 мм). Оно представляет собой подтреугольный кусок серовато-зеленого кремнистого известняка, с одной стороны оформленного тремя

0 1 cm

Рис 1 Массивное рубило Шабакы I

крупными и тремя последующими мелкими сколами, а с противоположной — тремя большими широкими сколами, идущими от края к середине орудия; продольные края рубила — зигзагообразной формы, других следов обработки нет. Один конец рубила сужен и заострен, а другой (пятка для захвата) расширен и утолщен. Орудие подвергалось сильному выветриванию, какое-либо перемещение его по условиям нахождения исключено.

Второе орудие (рис. 2) изготовлено из темно-серой кремнистой по-

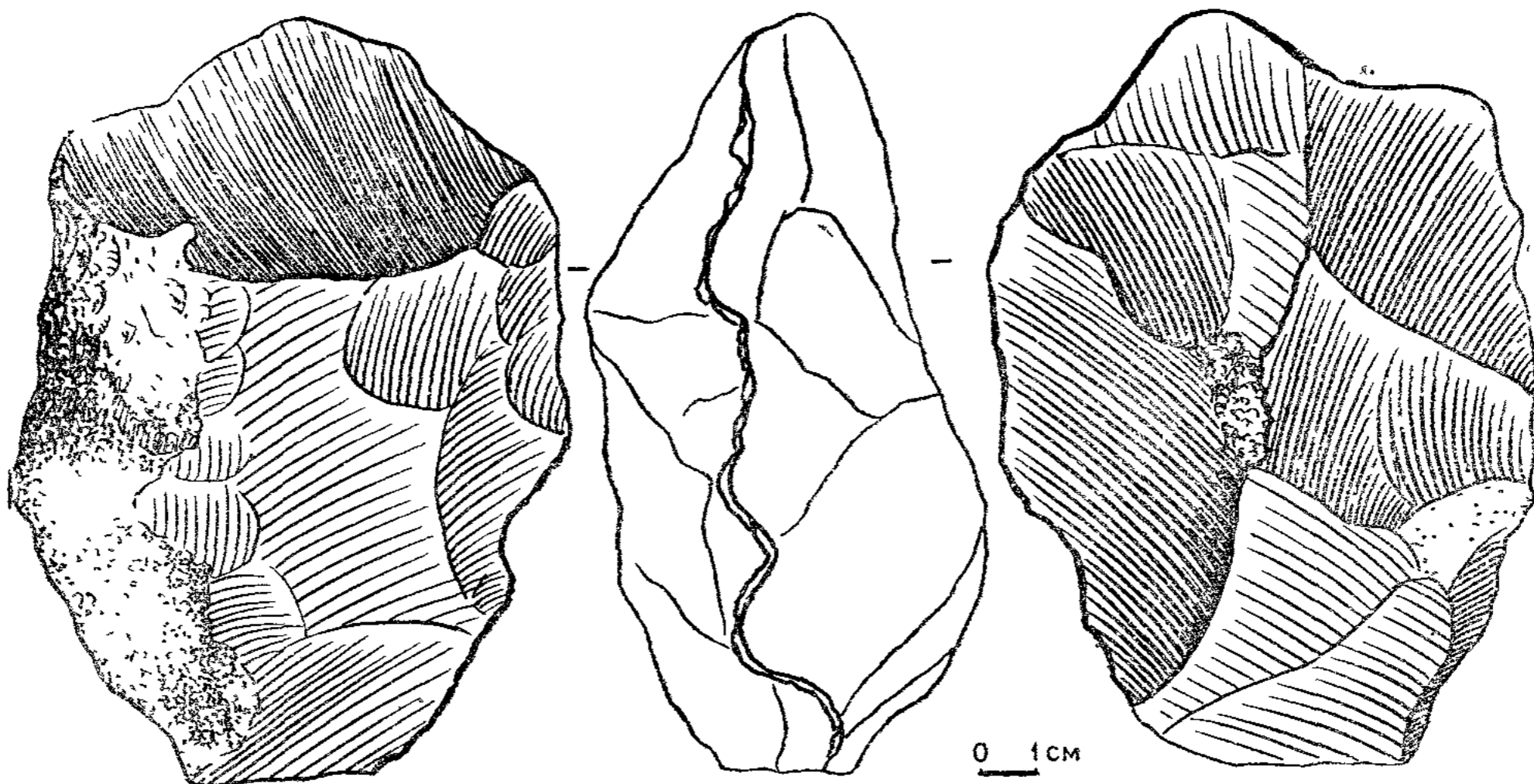

Рис. 2. Ручное рубило. Шабакты I.

роды ($130 \times 95 \times 60$ мм). Вся его поверхность обработана крупной оббивкой, нанесенной от края до середины то с одной, то с другой стороны, оба продольные края ограничены ломаной линией, но самому орудю придана овальная форма. Нижний конец утолщен, верхний — сужен и заострен мелкой вторичной подправкой и обломан. Ступенчатый излом говорит о поломке в результате очень резкого, сильного удара.

Третье орудие сделано из расколотого пополам куска желвака. Один край его не тронут, другой большими сколами превращен в грубое рубило.

Четвертое орудие, грубое рубящее, (рис. 3) изготовлено из довольно крупной красновато-коричневой гальки ($105 \times 90 \times 50$ мм) и напоминает чоппер (сhorper) из Борыказгана и Танирказгана. Один продольный край его с одной стороны заострен двумя большими сколами, а с другой — стесыванием одного большого и двух мелких отщепов. Противоположные края и часть поверхности орудия не обработаны, на них видны следы маленьких сколов. Его рубящие лезвия выщерблены.

Описанные каменные изделия по своей архаичности, форме и технике изготовления сходны с орудиями Борыказгана, Танирказгана (Южный Казахстан), а также Бирмы, Африки и Сатани-Дара (Армения). На основании этого их можно предварительно отнести к поздней поре нижнего антропогена, т. е. шелльско-ашельскому времени.

В то время, когда здесь и в Борыказгане и Танирказгане жили нижнепалеолитические коллективы, окрестности населяли такие представители древней фауны, как саванный (лесной) слон — *Palaeoloxod antiquus* (Falc. et Gaut), гигантский верблюд — *Paracamelus gigas*, лошадь зюссенборнейская — *Equus süssenbornensis* Wust. (*stenonis*),

лошадь мосбахская — *Equus caballus* cf. *mosbachensis* Reich, этрусский (степной) носорог — *Dicerorhinus etruscus* (Falc.), эласмотерий — *Elastotherium sibiricum*, носорог Мерка — *Rhinoceros mercki* Jaeg., олень марал (благородный олень) — *Cervus elaphus* L., верблюды — *Camelus* sp., осел — *E. (Asinus) hidruntinus* Reql., куница — *Mustelidae*, собака — *Canidae*. Костные остатки этих животных были извлечены в разное время из грифона — источника близ Кошкурмана (вернее, Коскормана) в хребте Большого Каратау, находящегося в 150—200 км к северо-западу от наших находок, и приурочены, на основании стратиграфического положения, В. С. Бажановым и Н. Н. Костенко к верхнему ярусу нижнего антропогена¹⁷.

Интересно, что некоторые виды найденных ископаемых животных, как, например, саванный слон, типичны для теплолюбивой фауны облесенных степей. Шабактинские архаические кремневые изделия так же, как и другие аналогичные нижнепалеолитические остатки хребта Каратау, тождественные по возрасту, можно сопоставить с местонахождением № 1, 13 Чжоукоу-дяня близ г. Пекина¹⁸.

В 1957 г. совместно с научным сотрудником Джамбулского музея А. П. Поповым были осмотрены склоны гор Бурлы (1138 м), расположенных в 10 км к западу от г. Джамбула. Большинство местонахождений каменного века открыто в восточных и северо-восточных склонах гор, вдоль размытых участков, в частности среди земляных выбросов каменного карьера. Подобраны десятки кремневых поделок из белого и беловато-серого мелкозернистого кремня, из которых особенно выделяются один резец палеолитического облика, несколько отщепов со следами откалывания и нуклеус, неокатанный.

Подобные кремневые изделия найдены на северо-западной окраине колхоза «Кзыл Октябрь», на поверхности небольшой возвышенности, прилегающей к западному склону гор Бурлы, где встречаются отдельные желваки розового халцедона и серого мелового кремня. Залегание орудий на склонах горы не требовало шурфовок. Возможно, что перед нами было место первичного раскалывания кремня и халцедона, которое периодически посещалось людьми каменного века.

Отщепы, отбитые от речной гальки и разноцветного кремня, мы находили также в южных и западных окрестностях гор, прилегающих к оз. Бийлю-Коль, и в местности Майтобе, в долинах небольших речек, стекающих в озеро, на поверхности террас и небольших уступов.

На западном берегу озера на небольшом террасовидном уступе вновь были обнаружены изделия из крупнозернистого черного кремня, коренные выходы которого найдены в 50 км к северо-западу от места находки последних (рис. 4, 1). Наряду с крупными массивными кремневыми отщепами и треугольными пластинками, длиной 5—8 см, здесь встречаются и мелкие халцедонские чешуйки. На отбивной поверхности некоторых отщепов имеются следы сколов и известковая корка, последняя отделена ударами по кремневому желваку.

Расколотые рукой человека черные кремни и галька найдены на небольшом холме в 5 км к югу от г. Чулактау. Некоторые из обнаруженных отщепов (рис. 4, 2, 3) — неправильной формы и очень массивны. Широкая ударная площадка у них расположена, как и у нижнепалеолитических отщепов, под тупым углом к плоскости, ударный бугорок массивен и иногда занимает больше половины отщепы.

Аналогичные по возрасту палеолитические каменные окатанные поделки (рис. 5) подобраны на левом берегу р. Тамды, напротив урочища, расположенного в 3 км к западу от г. Чулактау, среди древнечетвертичных аллювиальных галечников, вымытых еще недавно из близлежащих

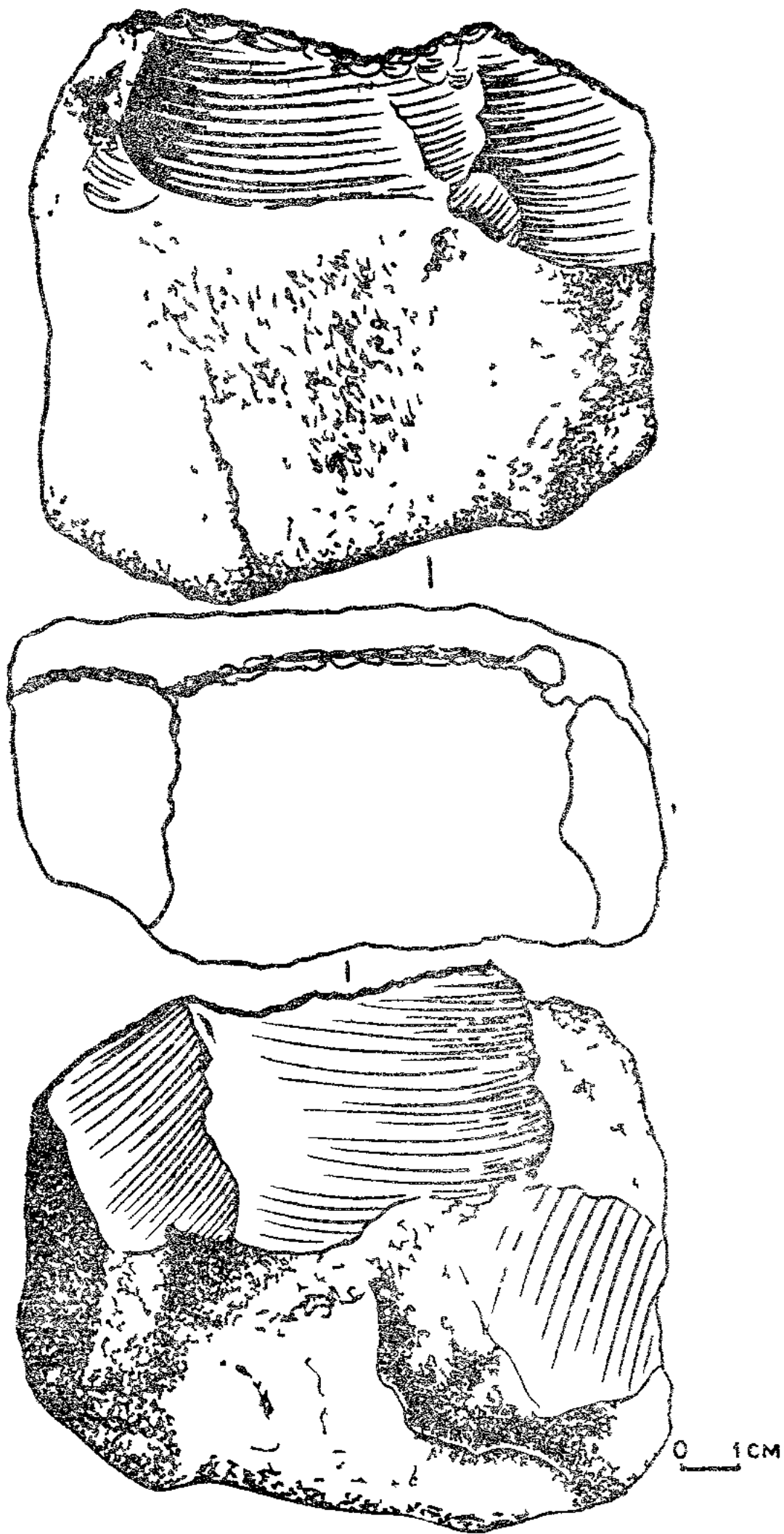

Рис 3 Крупное рубящее орудие Шабакты I

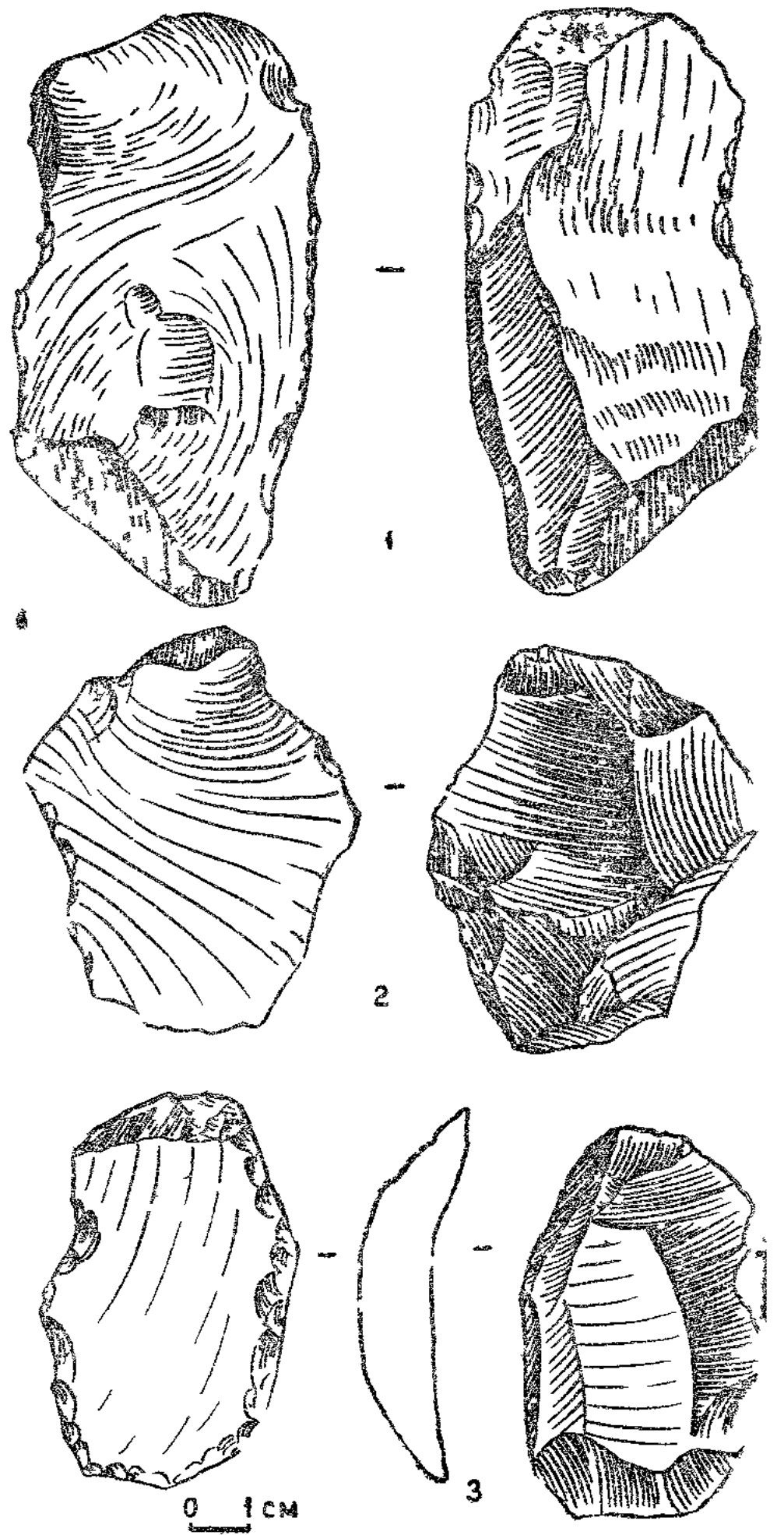

Рис 4 Отщепы Майтобе

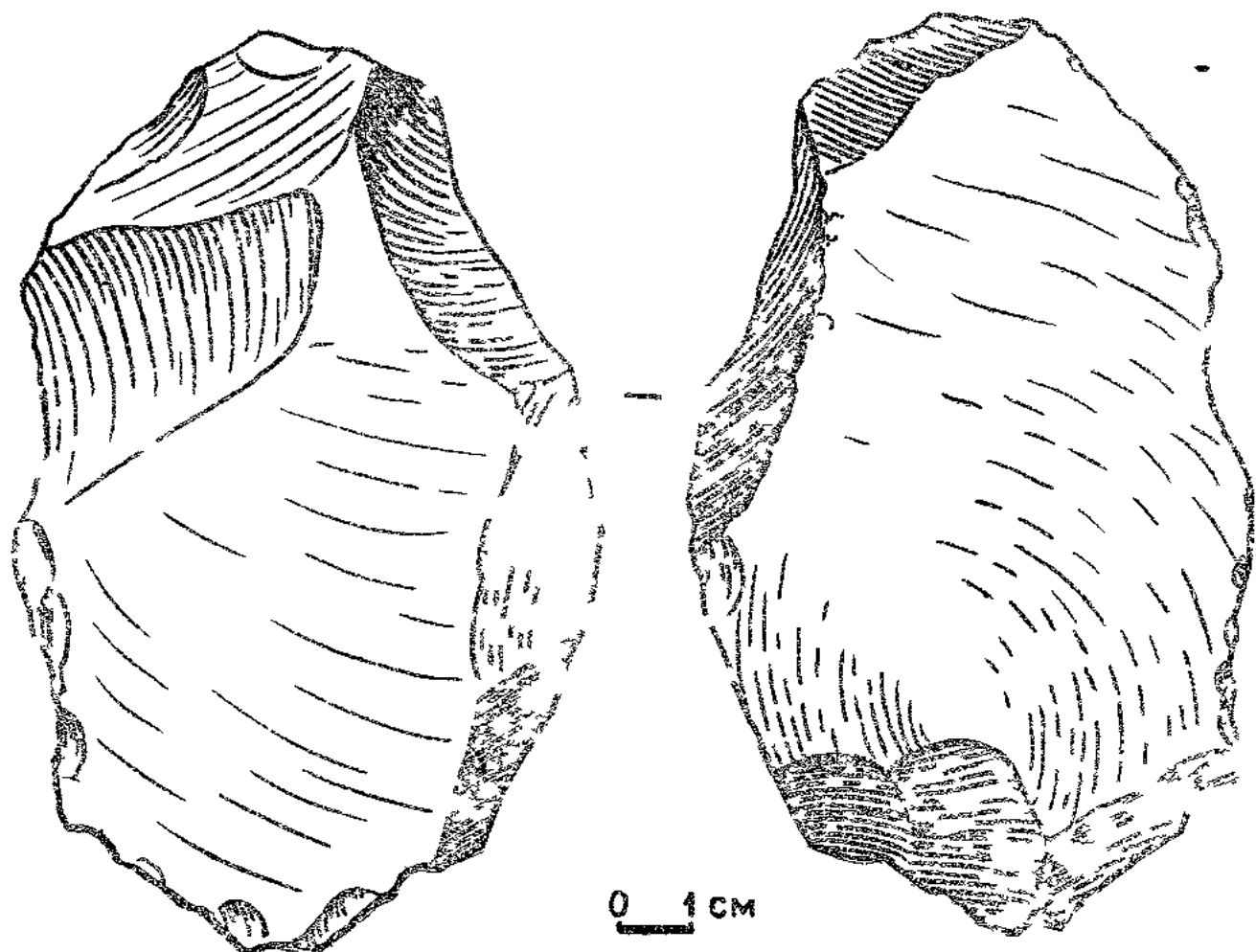

Рис 5 Архаический отщеп Тамды

береговых отложений реки. За пределами этой территории подобных находок не было.

Эти поделки, как и отщепы, обнаруженные позднее в нижнепалеолитических местонахождениях и стоянках типа Шабакты I, Токалы I—V¹⁹ у Борыказгана и Танирказгана, имеют резко выраженный ударный бугорок, ударную площадку, находящуюся под тупым углом к плоскости, и различные размеры от 40×30×10 мм до 80×60×20 мм. Широкий ударный бугорок занимает почти половину (иногда больше) нижней поверхности.

На левобережных надпойменных террасах р. Тамды, при ее выходе из гор, подобрано несколько кремневых и халцедоновых изделия, свидетельствующих о том, что здесь находились излюбленные места первобытных охотников.

Некоторые подъемный материал, собранный здесь, как бы дополняет сборы, произведенные Каратауским палеолитическим отрядом между р. Коктал и горой Кемер²⁰.

Районом находок, относящихся к этому времени, является также мелкосопочник Бестюбе (Уштюбе), расположенный в 3 км к востоку от урочища Ушбулак. В этой части хребет достигает 500—600 м. Сопки тянутся на 2—3 км с юго-запада на северо-восток. Они состоят из беловато-молочных и серо-розовых халцедоновых обнажений. Черного кремня здесь нет. Местами на вершинах видны малые и большие глыбы халцедона. Те, которые диаметром более метра, сохранили следы многократных скалываний. Рядом найдены мелкие обработанные куски халцедона, превращенные в дисковидные нуклеусы и различной формы ядрища, а также большое количество широких треугольных и удлиненных правильных пластин, снятых с нуклеусов или же сколотых с халцедоновых глыб. Одна из сопки вся усыпана ими, особенно ее восточные и юго-восточные склоны. На мелкосопочнике, являющемся крупным месторождением халцедона, обнаружены древние разработки. Здесь лежат большие глыбы со следами многократных сколов, дающие удлиненные треугольные пластины и отщепы, а также большое количество двусторонних и односторонних дисковидных и призматических нуклеусов. Иногда встречаются и орудия. Подобные древние разработки халцедона зарегистрированы нами на протяжении 150 км с востока на запад — до р. Беркутты.

Все эти данные указывают на то, что северо-восточные склоны хребта Каратау служили местом заготовки материала для изготовления каменных орудий из халцедона, начиная с мустьерского времени палеолита до неолита включительно.

В урочище Ушбулак (в 36 км к северо-западу от г. Чутактау) нами обнаружено шесть местонахождений каменного века, приуроченных к родникам. Наиболее древние кремневые изделия найдены около шестого родника (Ушбулак VI), находящегося в западной части котловин, окруженной возвышенностями. На высоте 3 м от уреза родника, на глубине 16 м от дернового слоя, в желтовато-сером суглинке обнаружено несколько кусков известняка со следами плоских сколов и *один односторонний мустьерский остроконечник* (рис. 6, 1), сделанный из тонкого, полупрозрачного, желтовато-серого плотного кремневого отщега треугольной формы. На его поверхности частично сохранилась естественная желтоватая корка. Противоположные продольные режущие края остроконечника в виде изогнутого, выпуклого лезвия с заостренным концом оформлены уступчатой ретушью. С брюшка он слегка патинизирован. Каких-либо признаков палеолитического культурного слоя в склоне возвышенности и в самом районе находки нет. Очевидно, данное ор-

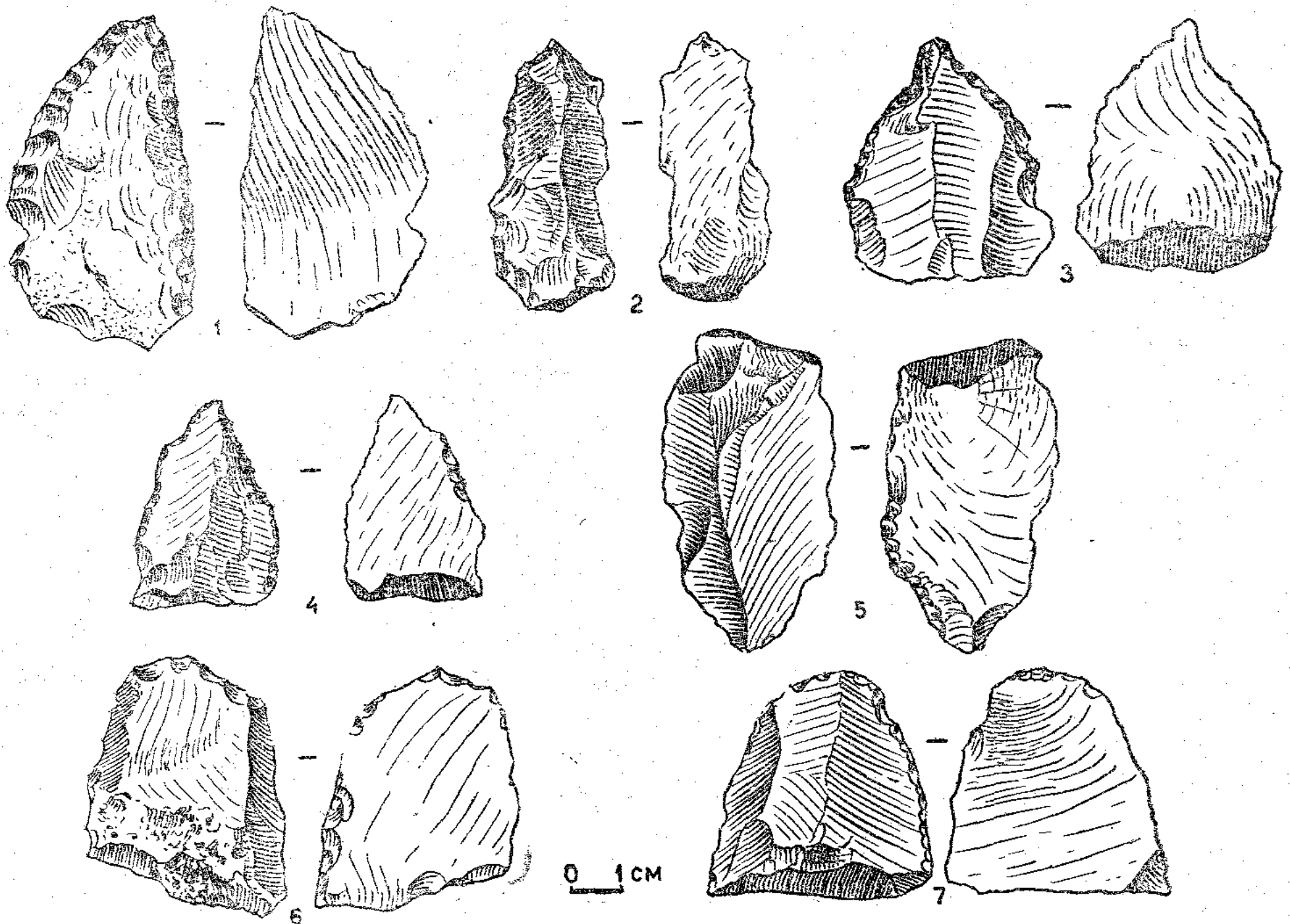

Рис. 6. 1—4—остроконечники. Ушбулак VI; 5—7—отщепы. Ушбулак IIIa.

дие, как и другие, обнаруженные на соседних родниках, были принесены палеолитическими охотниками, приходившими сюда вслед за стадами животных, для которых источники были местом водопоя. Возможно, что некоторые родники, например третий и шестой, использовались с мустьерской эпохи палеолита, если не раньше, а другие (Ушбулак I, II, IV, V) — только с конца палеолита и начала неолита.

Наряду с остроконечником, обнаруженным на Ушбулаке VI, заслуживают внимания два других близких к нему мустьерских остроконечника, отличающихся своей архаичностью (рис. 6, 2—4), найденных в котловине, размытой шестым родником.

Первый из них (рис. 6, 3) — грубый массивный треугольный отщеп ($48 \times 38 \times 10$ мм) из желтокремнистой породы, с четко выраженной ударной площадкой и довольно выпуклым буторком, расположенным у основания по продольной оси. На спинке имеются три фасетки, грани которых сходятся на конце орудия; его продольные режущие края подправлены крутой ретушью, фасетки которой образуют острие.

Другой остроконечник (рис. 6, 4), меньшего размера ($38 \times 25 \times 5$ мм), изготовлен из черного кремня. Оба края со спинки оформлены ретушью, противоположный острию конец орудия сломан еще в древности. Остроконечники из Ушбулак VI следов окатанности не имеют, хотя слегка патинизированы.

Не менее важны и другие кремневые находки, собранные группами на возвышенности в 200 м к северу от Ушбулака IIIa. Среди них имеются толстые грубые массивные овалы и треугольные отщепы (рис. 6, 5—7) с обширными площадками, изготовленные из серого чернокремнистого известняка и черного кремня и обработанные крутой, уступчатой ретушью. Они отличаются архаичностью, сильной патинизированностью, большой ударной площадкой, расположенной под тупым

или прямым углом к плоскости бруска, и датируются нижним палеолитом.

В 22 км к юго-востоку от пос. Байкадам, в 5 км к северу от ущелья Шабакты-Инталы, на плато, возвышающемся на 200—250 м над р. Шабакты, найдено более 200 кремневых изделий, изготовленных из кремнистой меловой гальки, покрытой густой желтовато-серой патиной.

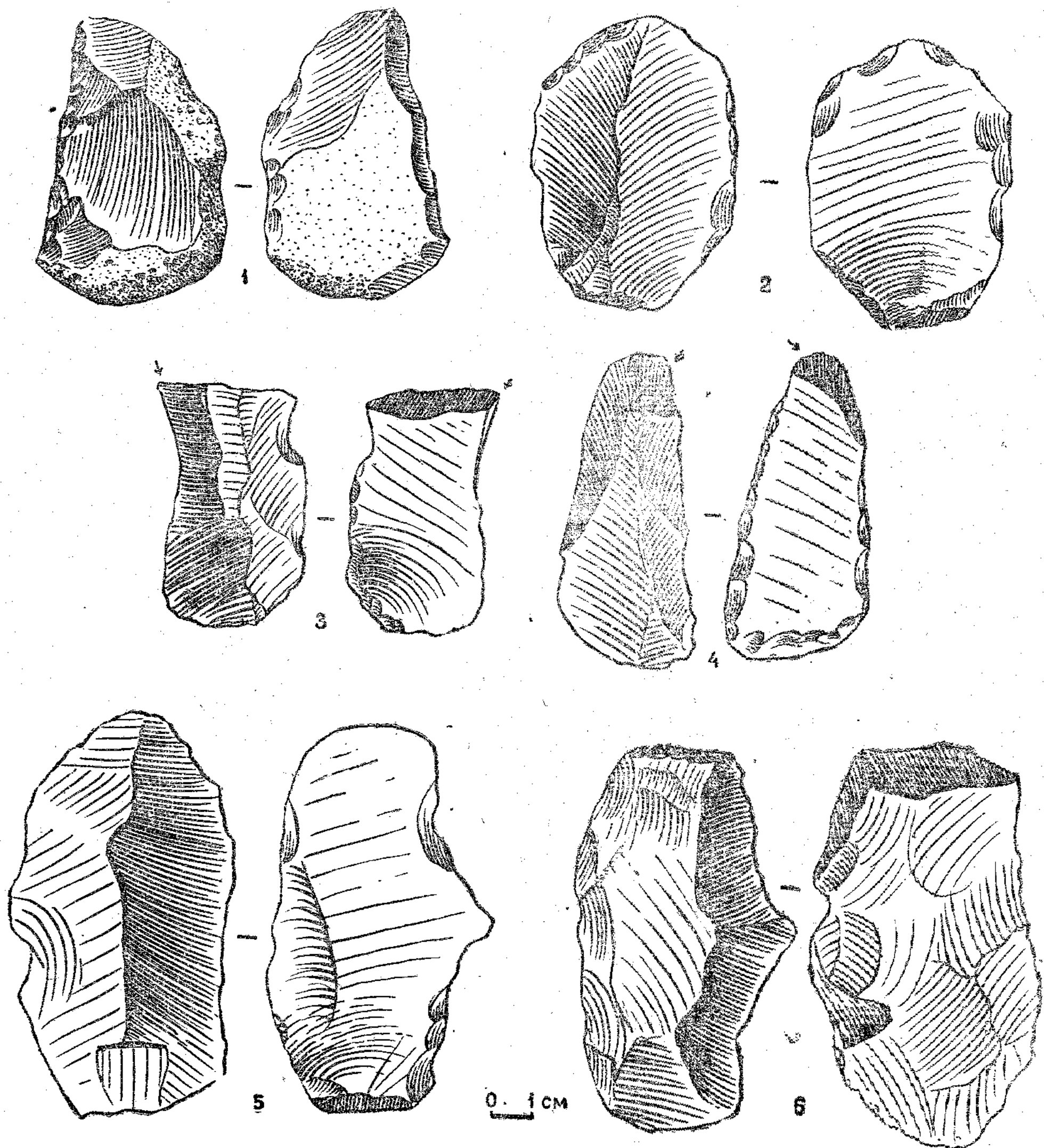

Рис. 7. 1—скребло; 2, 5, 6—массивные пластины; 3—4 резцы. Шабакты II.

В коллекции из этой стоянки, названной нами Шабакты II, преобладают *подтреугольные пластины* (рис. 7, 2, 5, 6), сколотые с кремнистой гальки, со следами вторичной обработки. Законченных орудий найдено мало. Из них большой интерес представляет *скребло* (65×42×12 мм), сдавленное из подтреугольной темно-серой кремнистой гальки. Его верхняя вышуклая поверхность отесана несколькими сколами с последующей подправкой рабочего лезвия крупной ретушью, а плоская нижняя оформлена только тремя широкими плоскими сколами. Противоположный рабочему лезвию округленный край не обработан и имеет естественную гладкую поверхность (рис. 7, 1).

Не менее характерно и второе изделие. Это *срединный резец* ($75 \times 24 \times 33 \times 12$ мм), изготовленный из массивной удлиненной двухскатной в сечении пластинки темно-серого известняка, покрытого белой патиной. Его верхнее рабочее лезвие образовано двумя косо идущими резцовыми сколами. Оба продольные края бруска обработаны крутой ретушью (рис. 7, 4).

Резцы этого местонахождения (рис. 7, 3) по форме, характеру обработки и материалу почти ничем не отличаются от изделий других мустьерских местонахождений Каратау, хотя в последних широко использовались кремнистые известняковые породы, встречаемые в каройских свитах хребта.

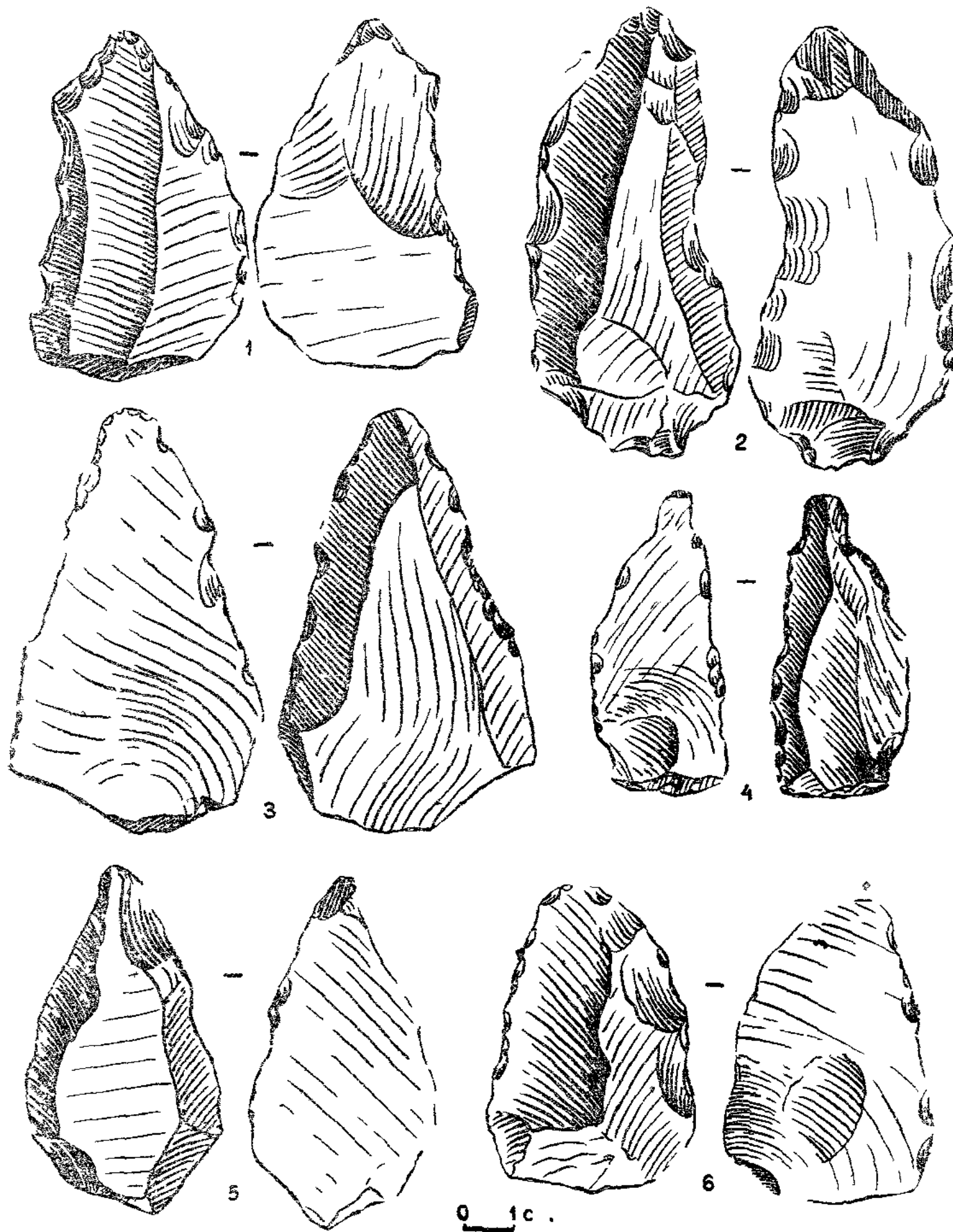

Рис 8 Треугольные отщепы—остроконечники Беркутты III

На плато Дегерес, расположенном в 3—4 км к востоку от с. Беркутты и в 800 м к северу от р. Беркутты, были собраны отдельные экземпляры каменных изделий. В большинстве это широкие массивные *отщепы* и массивные крупные треугольные *пластины* (рис. 8, 1—6). Они изготовлены из плотного красновато-коричневого и серовато-желтого порфира и серовато-черного кремнистого сланца. У всех изделий на бруске хорошо виден широкий и выпуклый ударный бугорок, занимающий почти одну треть нижней поверхности. Ударная площадка рас-

положена под тупым или прямым углом к плоскости брюшка. Некоторые экземпляры напоминают мустьерские остроконечники, имеют ретушь на брюшке или спинке и в результате выветривания и пустынного загара немного сглажены.

При обследовании террасовидной площадки высохшей речки Шалсай (в 8 км к юго-западу от пос. Баба-ата) в лёссовидной толще обнаружен классический, почти неокатанный мустьерский односторонний *остроконечник* (105×65×9 мм), сделанный из крупного черного треугольного отщепы, снятого боковым ударом с дисковидного нуклеуса. У основания орудие утолщено и расширено, а к верхнему концу сужено. Массивный ударный бугорок сильно выступает и занимает почти две трети отщепы. Подправленная на нуклеусе ударная площадка находится почти под прямым углом к плоскости нижней отбивной поверхности. Оба продольные края спинки оформлены уступчатой мустьерской ретушью, сходящейся в острие. В этом месте имеются следы нескольких предыдущих сколов (рис. 9). Способ раскалывания, форма, характер краевой ретуши и условия залегания позволяют отнести орудие, как и остроконечники из Ушбулака VI, к мустьерскому времени. Орудия хребта Каратау, как видно из описаний, аналогичны наукатскому остроконечнику, обнаруженному А. П. Окладниковым в Северном Таджикистане²¹.

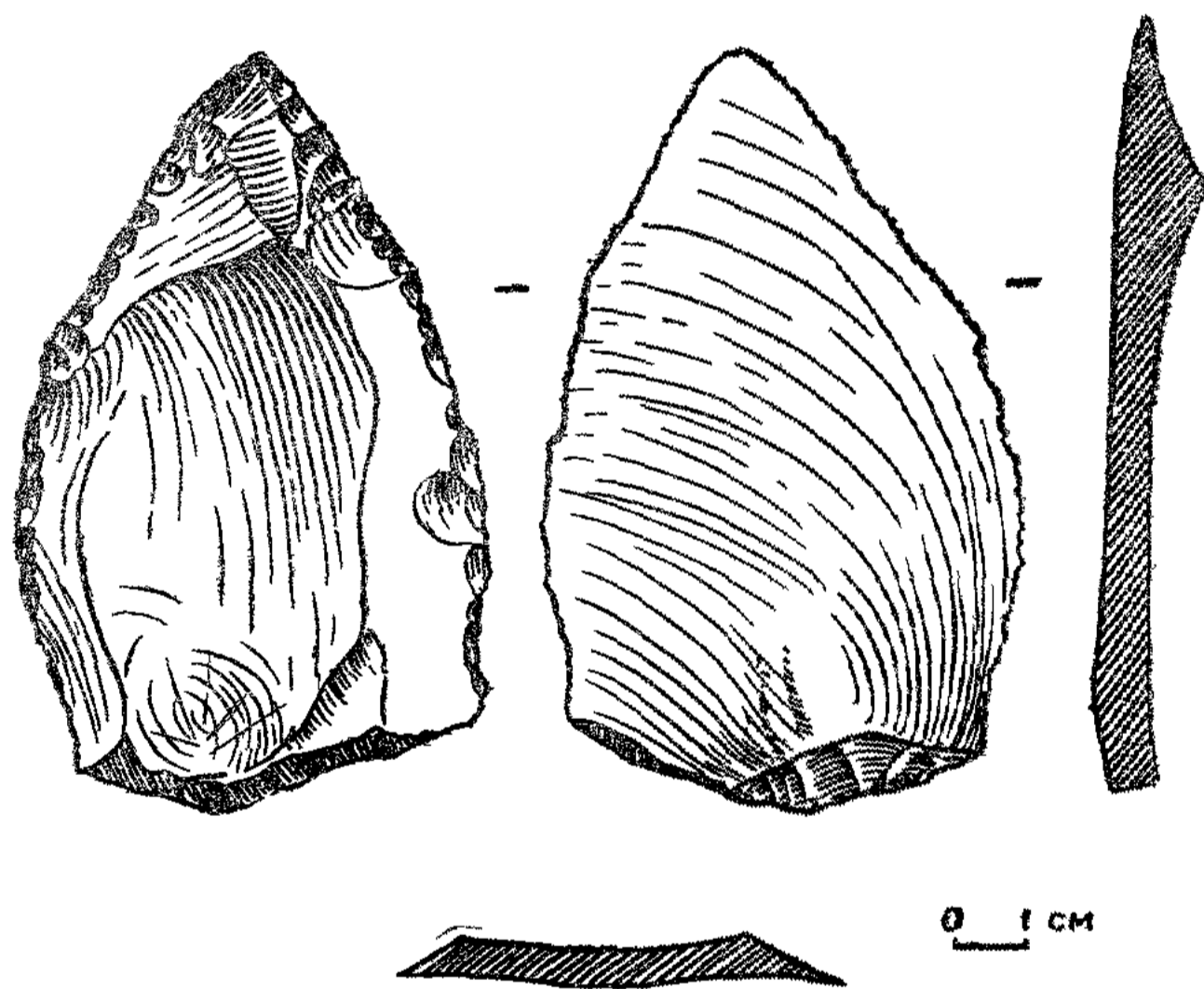

Рис 9. Мустьерский остроконечник. Шалсай

Мелкосопочник северо-восточной части Каратау (западнее р. Коктала) богат котловинами, которые в дождливые годы и в весеннее время, как правило, заполняются водой, а летом высыхают и превращаются в соры. Большинство из них, а также приуроченные к ним останцы (10—15 м) усыпаны галькой, халцедоновыми и кремневыми отщепами и желваками диаметром 10—33 см. Они несколькими сколами превращены в рубящие и другие орудия палеолита.

Более архаичные, чем мустьерские, орудия и отщепы среди них не встречаются. Все это позволяет сделать вывод, что мустьерские люди жили в надпойменных равнинах древней долины р. Коктала, где, вероятно, позднее в результате неотектоники и гидрогеологических изменений образовались виденные нами котловины — соры

Большой интерес представляет палеолитическая стоянка Узынбулак II, открытая нами в 1958 г. в 600 м к западу от Узынбулак I (в 35 км к северу от г. Чулактау). Многочисленные кремневые орудия без наличия каких-либо поздних и тем более неолитических типов обнаружены на северо-восточном берегу небольшого сора Безымянного. Последний, как и соседние с ним мелкие соры, расположен в пониженной котловине, защищенной со всех сторон, особенно с северо-восточной, от ветра. Окаймляющий его борт состоит из небольших пологих уступов, переходящих в плато.

На плато было поднято несколько крупных отщепов, одна широкая треугольная пластина из серовато-черного плотного кремня (рис. 10,3,5), по форме и технике обработки приближающаяся к изделиям ашелльско-мустьерского комплекса стоянок Токалы I—II. Все отщепы имеют резко выраженные ударные бугорки и широкие площадки, но без следов окатанности. На склонах северо-восточного уступа и южной гряды палеолитических или каких-либо других находок каменного века не обнаружено.

В приподнятой на 2,5—6 м восточной части Узынбулак II, на небольшой площадке, были рассеяны отсортированные в древности каменные изделия. Помимо характерных для позднего палеолита призматических нуклеусов, скребков и удлиненных пластин, различных резцов и других законченных орудий, здесь найдены и более архаические изделия, в том числе несколько рубящих орудий с грубо оббитыми лезвиями, характерных для палеолита Каратау. При ознакомлении с кремневым инвентарем из стоянки Узынбулак II бросается в глаза их разновременность, архаичность, патинизированность и в особенности заглаженность и затупленность траней.

Основным материалом для производства орудий в Узынбулак II служил черный мелкозернистый и серовато-черный крупнозернистый песчанистый кремь; нередко встречаются орудия из розовато-белого кварцита. Заготовками для них служили широкие треугольные отщепы, сколотые из дисковидных, четырехугольных, треугольных нуклеусов, и крупные удлиненные пластинки с параллельным ограничением, отделяемые от конических и призматических нуклеусов; находки последнего типа нуклеусов единичны. Белые или беловато-серые пятна патины покрывают многие кремневые изделия. Некоторые кремни и каменные предметы имеют легкую известковую корку, являющуюся продуктом выщелачивания близлежащих геологических пород. Здесь обнаружено несколько разнообразных по форме и обработке каменных орудий — скребла, скребки, резцы, комбинированные орудия (скребки-резцы). Некоторые из них имеют резцовые сколы, острые края которых несколько изношены.

Привожу описание этих орудий.

1. *Крупное скребло* (100×60×28 мм), оформленное из массивной сероватой крупнозернистой двухскатной, кремнистой гальки (рис. 10, 1). Ее продольный округленный край не обработан и служит удобной рукоятью. Рабочий край скребла представляет собой выпуклое массивное, острое лезвие, оформленное с двух сторон сколами.

2. *Комбинированное орудие резец-скребок* (50×38×7 мм), изготовлено из короткого двухскатного треугольного черного кремневого отщепы, расширяющегося к одному концу (рис. 10,9), правильно огранен. На одном конце орудие имеет круглое лезвие скребка, обработанное ретушью, на противоположном — рабочее лезвие, образованное двумя более или менее симметричными резцовыми сколами (правым и левым),